

Сентябрьский ветер неумоимо гонял сухие шары колючего перекати-поля, взметал пыль над пожухлой степной травой до самого горизонта. Ещё не холодный, но по-настоящему осенний, уже лишённый прежнего жара лета.

Двое долго брели по бескрайней равнине, а полевой стан всё не появлялся. Юрий предложил пойти пешком, не дожидаясь бортовой машины, вдвоём, отдельно от остальных ребят, закончивших на сегодня труды праведные. Раз она согласилась, предпочтя его общество другим, вероятно, не был он для неё полностью безразличен, как ему начинало порой казаться. И теперь они шли впервые рядом настолько близко, что иногда почти соприкасались, но взять её за руку он так и не решался. А ну как вырвется, хотя и без раздумий пошла с ним? Юрка боялся нарушить хрупкое очарование происходящего и хотел только, чтобы оно никогда не заканчивалось.

Низкие облака над степью выглядели декоративно: уже не по-летнему невесомые, но ещё без осенней скрытной тяжести, чреватой неминуемым дождём. Пробные наброски затянувшегося бабьего лета. Временами солнце затуманивалось сплошной белесой пеленой, сквозь которую проплывали рваные куски облачной ваты, трудно было даже представить, с какой

скоростью их там несёт ветер, сумевший набрать силу только на такой высоте.

Юрок давно ощущал, что затянувшееся молчание всё сильнее тяготит обоих, но никак не мог мысленно подобрать подходящую тему. И тут неожиданно бедная природа выжженной за лето степной полупустыни пришла на помощь.

92

Далеко впереди, в прогале облаков, произошло нечто тёмное, определённо угрожающего вида. Юрка ощутил неприятный холодок по спине и решил, что это просто мерещится. Чёрное, контрастно выделенное на блеклом фоне подобие тучи выскользнуло из-за ватного прикрытия, представ сильно вытянутым сплюснутым эллипсом с нечёткими краями. Кажущаяся невесомой летающая рыбина сильно напомнила виденные Юркой в киножурналах азростаты времён Великой Отечественной. Но откуда им здесь взяться?! Насколько он знал, их давно перестали строить, сделав ставку на другие средства полёта. Нет, видение смахивало на фантом, подобного не могло быть в действительности!

Оба одновременно остановились и зачарованно следили за скользящим в облаках чужеродным телом, пока оно полностью не скрылось из вида. Юрию показалось, что контур

странно колебался, но в целом рыбообразная форма не изменилась до своего полного исчезновения. Через миг в разорванных облаках не осталось ни следа.

– Надо же! Летающая тарелка какая-то... – ошеломлённо произнесла юная спутница, словно читая его мысли.

Юрий удивился, как же такое могло одновременно прийти обоим в голову? И в то же время ощутил облегчение: его спутница видела то же самое. Он несколько лет перечитывал в библиотеках подшивки журналов «Техника – молодёжи» (с её «Антологией таинственных случаев»), «Знание – сила», «Вокруг света». Но девушка-то как пришла к такому же предположению? Он почувствовал к ней ещё большую нежность, чем прежде.

– Может, секретно построили какой-то новый дирижабль и теперь испытывают тут в глуши? – предположил он, понимая, как нелепо это звучит.

Юрка даже пожалел о сказанном, но девушка внезапно остановилась, схватив его за локоть, и указала туда, где недавно проплывала небесная рыбина. На этот раз из облаков вынырнуло такое же по размерам и плотности тёмное тело, но оно уже не имело определённой формы, а походило на колышущуюся чернильную кляксу с выброшенными в стороны отростками. Ничего общего с дирижаблем – и потому ещё более необъяснимое. Тело незамедлительно исчезло следом за первым в неподвижных рядом с ним белых облаках.

Дальше они снова шли в полной тишине. Только теперь, не сговариваясь, прибавили хода и направились туда, где возникали и пропадали странные облака или объекты. При этом вовсе не думали, что могут уклониться от полевого стана, уж очень хотелось найти на земле хоть какие-то следы недавно увиденного.

И вот, когда по Юркиным прикидкам добрались до нужного места, прямо из-под ног с пугающей стремительностью внезапно выпорхнула плотная стая мелких птичек. Парень с девушкой не успели рассмотреть этих шустрых крошек, хотя находились совсем рядом. Своим количеством и плотностью те напоминали густой рой мошкары, танцующей в начале лета под фонарями. Или косяк схожих с мальками рыбёшек, высвеченный в ночной воде мощным прожектором траулера. Эта мелкота слаженно дви-

галась в одном направлении. Поднимаясь выше, они сливались в единое целое, по мере удаления всё больше уподобляясь виденным недавно объектам. Без сомнения, они были теми же загадочными летунами, только не успешными принять для своего скопления столь определённую форму, как предыдущие.

Резвые птички очень походили на мелких воробьёв, только темнее окрасом и с явно большей дальностью полёта. Ведь обычные городские воробьи умирают от разрыва сердца, если заставить их находиться в воздухе дольше скольких-то там секунд, это Юрка хорошо помнил из журналов. Документальные кадры поголовного уничтожения маленьких пернатых не дающими им сесть громыхающими и орущими китайцами обошли весь мир. Целыми грузовиками вывозили потом неподвижные воробьиные тушки...

Парень с девушкой получили скорую разгадку непонятого случая, и теперь оба испытывали явное облегчение: ничего мистического или необъяснимого не обнаружилось. Удивительные облака оказались всего лишь малыми птахами, не различимыми издали. Не обязательно было знать, перелётные ли то птицы, заглянувшие в их края по пути на юг, или гнездящиеся неподалёку и сбившиеся в огромные стаи только для прокорма на пустующих колхозных полях. Оба сохраняли задумчивое молчание, осмысливая увиденное. Юрка вскоре не удержался и с исповедальной откровенностью заговорил о странных случаях с ним, которые потом тоже вполне прозаически объяснялись.

Сначала поведал о яркой звёздочке, перебежавшей небо поперёк путей виденных до того спутников, летавших обычно против движения солнца и планет. Она равномерно двигалась по небосклону от полюса к полюсу – вряд ли то был слишком высоко забравшийся самолёт, попавший в лучи давно скрывшегося за горизонтом дневного светила. Определённо – неопознанный летающий объект, но не корабль же пришельцев, в самом деле! Юрий не переставал ломать над этим голову, пока не прочитал в журнале об американском полярном спутнике. Его называли геофизической лабораторией с околоземной орбитой через полюса, некоторые подозревали в нём новый тип спутника-шпиона. Такое объяснение выглядело наиболее правдоподобно, впрочем, других не нашлось.

93

Несколько раз Юрий наблюдал в ночном небе нечто отдалённо напоминавшее северное сияние, только одноцветное, зеленовато-изумрудное. Будто расходящиеся размыты инверсионного следа стратосферного истребителя. Среди этих зигзагов чётко выделялась падающая вниз серебристо-блестящая деталь. Другая ярко светящаяся часть не перестала набирать высоту, пока вовсе не исчезла из вида. В темноте над головой продолжали расползаться зелёные зигзаги, будто непонятные письмена невидимого великана. Такое не могло не поразить, но сильного удивления у Юрия не возникало. Даже для него не составляло секрета, что в сотнях километров в той стороне находился космодром Капьяр, с которого ещё до Байконура запускали в космос спутники и мощные баллистические ракеты. И всё же становилось не по себе.

К сожалению, не было тогда под рукой фотоаппарата, который запечатлел бы феерическое зрелище. А может, и к лучшему: иначе потом весь остаток жизни пришлось бы доказывать соответствующим органам, что ты не шпион, продающий вражеской разведке оборонные тайны страны.

Дважды Юрий видел засветло довольно крупные звёзды, очень медленно плывущие с юга в лучах заходящего солнца. Позже кто-то из осведомлённых старших подсказал, что правительство шахского Ирана использует специальные воздушные зонды для заброски на территорию СССР антисоветской литературы, поставляемой американцами. Их сбивали наши патрульные истребители, они падали в пустынных районах южного Прикаспия, и тогда подрывной груз неизбежно попадал в руки гэбистов.

Парень вспомнил ещё несколько случаев, в которых тоже не было ничего сверхъестественного. Ночные огни сверхзвуковых самолётов, бесшумно идущих на огромной высоте, шаровая молния, зависшая над будкой трансформатора, чтобы взорваться и рассыпаться фейерверком через минуту...

За всё время Юркиного словесного извержения спутница не сделала ни единой попытки остановить поток обрушенной информации – и потом со своей стороны не смогла сообщить ничего столь же любопытного.

Когда парень почти выдохся, ему вспомнилось, что женщины любят ушами. Видя непро-

ходящий интерес в синих глазах девушки, Юрий воспрянул духом. Давешнее предположение, что и она к нему не равнодушна, перешло в уверенность. Похоже, теперь ему наконец-то удастся достучаться!

Впервые он увидел её в вестибюле института у списков принятых первокурсников. Как не заметить загорелую черноволосую стройняшку, да ещё с невозможно васильковыми глазами?! Сразу подойти, как бы невзначай заговорить не решился. А ну как отошьёт моментом? Но у Юрия возникла тогда уверенность, что они обязательно встретятся ещё не раз и не два, ведь им предстояло учиться на одном курсе!

И случилось это гораздо раньше, чем он предполагал. Вереница бортовых машин везла их по бесконечной асфальтной ленте, ныряющей с холма на холм. Начало учёбы отодвинули на месяц – без пяти минут студентов отправили спасать рекордный в этом году урожай в колхозы за сотню километров от областного центра. Они только недавно сдали вступительные экзамены, прошли жёсткий конкурс и теперь, хотя продолжали ещё называться неприличным корявым словом «абитуриенты», упрощённым ими до «абитуры», уже с полным основанием могли радоваться жизни! С таким настроением даже длинная дорога казалась всем в кайф.

Лохматый парень в клетчатой ковбойке с небрежно закатанными по локоть рукавами неутомимо тренькал на гитаре. Потёртую соломенную шляпу с загнутыми по-ковбойски полями он лихо натянул на свои лохмы до самых глаз так, чтобы встречным ветром не сдуло. Его умения хватало на несколько ходовых аккордов, под которые он прогонял для попутчиков одну за другой уличные песни, знакомые и впервые слышимые Юркой. Временами что-то находило отклик в его сознании, хотя сентиментальным он себя не считал. Например, поэзия Есенина совершенно его не трогала. Сначала исполнитель приятно удивил хорошо известной Юрке с детства (бывало, петой и самим) коронной дворовой: «Нет на свете краше маленькой Наташи...». Всё как надо, ничего не переврал, не пропустил – молодец, словом! Потом прозвучала оказавшаяся новой для Юрки «Ведь на то она и первая любовь, чтобы быть ей не особенно удачной». Эта показалась слишком грустной, даже слезливой, чуть ли не взятой напо-

кат из индийских фильмов. Ну никак не мог Юрка примерить на себя её содержание!

К счастью, репертуар гастролёра не оказался сплошь минорным. Попадалось и бодренькое:

Мир победит, победит войну!

Мир победит, победит войну!

Ну! Рванный рупь не берём!

Под этот бесконечно повторяемый пацифистский рефрен Юрий подолгу таращился на увиденную однажды черноволосую незнакомку. Девчонка как девчонка, его ровесница, загоревшая, в меру спортивная, судя по тому, как прямо держит корпус. Вот только такой глубокой синевы в глазах он никогда ещё не встречал.

Девушка сидела перед ним, спиной к движению, с лёгкой улыбкой слушая поющего. Встречный ветерок бесцеремонно теребил и путал её шелковистые вороньи волосы до плеч, заставляя снова и снова поправлять падающую на глаза непослушную чёлку. Удивительного цвета глаза, сейчас не прикрытые солнечными очками, с немым вопросом встречали взгляд любующегося ею парня. Именно за этими глазами он и пробился сквозь толпу в эту машину. Над головой почти в такой же густой синеве, старательно вылизанной до чистоты ранней осенью, тут и там висели белые нарочито декоративные облачка, рельефно подчёркивая глубину и объёмность неба.

Пока хипповатый парень окончательно не спёкся и не отложил гитару, грузовик успел намотать на колёса не один десяток километров. Только тогда Юрка набрался смелости и на ходу рывком перебрался к милой незнакомке на противоположное сидение – одну из нескольких закреплённых поперёк кузова струганых досок. Она не удивилась, нисколько не пыталась возражать, наоборот, чуть подвинулась, уступая место. Но всё равно ему пришлось втискиваться между ней и соседкой, при этом их колени нечаянно соприкоснулись, и он ощутил удар тока от макушки до пяток, заставивший сладко ёкнуть сердце. Девушка сначала показалась совершенно не разговорчивой, но после череды безответных вопросов снизошла сообщить своё имя. Юрка нисколько не удивился, потому что заранее так и подумал: имя Людмила точно подошло бы под такую внешность. Он и сам не мог объяснить почему.

Год назад Юрий случайно попал на выставку икебаны школы Согэцу из Японии. Оказался в Москве и захотел посетить музей изобразительных искусств имени Пушкина после не раз виденного по телевизору монолога Райкина «В греческом зале, в греческом зале». Так, чисто из любопытства Юра туда заглянул, а там... Несколько десятков композиций, в которых главное место занимали цветы, внизу сопроводительные таблички на русском. Парень решил сначала не читать надписи, а найти в каждом случае собственное название по первому впечатлению. Удивительно, но его догадки всякий раз совпадали с авторскими задумками.

Так, натюрморт из большой жёлтой тыквы, яблоч в золотых колосьях пшеницы, россыпи незнакомых овощей и нескольких пучков пожелтой травы с прятавшимися в них неуместными цветками Юра назвал «Щедрый урожай». И почувствовал себя довольным, увидев лаконичную подпись: «Изобилие». Другая композиция представляла склонённые внешней силой под одним углом островки блекло-синих, сиреневых, вишнёвых соцветий, связки жёлтой соломы и длинные камышинки с тяжёлыми коричневыми трубочками на концах. Слово по ним только что прошлись сильные порывы ветра. Юра подумал: «После урагана». А когда посмотрел на табличку, вновь ощутил радость. Правда, автор выразился более поэтично, с японской витиеватостью: «Сильный ветер пришёл вслед за цветами», но это уже детали.

Вот и сейчас он испытал похожее чувство узнавания. Слово девушка рядом с ним тоже представляла собой произведение искусства, созданное настоящим художником.

По дороге сделали большую остановку в райцентре. Начавшую уставать от долгой езды абитуру организовано накормили в столовой, жить снова стало веселее.

Солнце клонилось к западу, когда колонна прибыла на площадь большого посёлка. Всех построили и распределили по разным колхозам прямо в руки деловитых купцов-бригадиров. У Юры появилась возможность остаться со знакомыми ребятами, но он без колебаний последовал за синеглазой Людой. Не зря же судьба свела с этой девчонкой в открытом кузове грузовика!

В длинном бараке при полевом стане, куда попала их бригада, раздали двухместные поло-

ги. Юрке достался в напарники сухой сутуловатый очкарик, как выяснилось, успевший окончить техникум и набрать нужный рабочий стаж для поступления в институт.

С ними вместе оказался ушлый чернявый парень с короткой стрижкой. Юрий узнал, что тот отслужил в армии и одинаково охотно отзывается и на имя Валера, и на кличку Леший. А его родной брат не самый последний авторитет в одном из районов города. Валера сразу взял на себя роль главного после бригадира. Все охотно признали его верховенство. Непонятно, как ему удалось, но в привилегированном теперь положе Лешего, натянутом в конце барака у деревянной стены, тут же поселилась пухленькая пышногрудая блондинка с милой улыбкой на лице, а с ней – настенное зеркальце, полочка с тушью для глаз, губной помадой, духами, шампунем и прочими женскими прибабамсами. Озадаченному Юрию даже в голову не пришло бы пытаться предложить нечто подобное Людмиле. Та расположилась через несколько мест от него.

Уже на следующий день Юрка решил, что им повезло: половину отрядов отправили на уборку томатов, а их бригада угодила в царство бахчей. Правда, как выяснилось потом, заработки на помидорах оказались значительно выше, зато и работа труднее. Многие только теперь с удивлением узнали, что арбуз – это ягода, а не овощ или фрукт, как им представлялось. Каждое утро их отвозили на новый участок, где, двигаясь цепью, все собирали среди начавших увядать листьяев полосатые семи-двенадцатикилограммовые «ягодки». Их требовалось срезать с арбузных плетей, переходивших в стелющиеся по земле пятиметровые стебли уже в палец толщиной, со скрытыми мощными корнями, а затем складывать горками.

По мере того как припекало, многие разделялись до плавков и купальников, осеннее солнце не обжигало, а только щедро дарило равномерный золотистый загар не успевшей получить его за лето коже или доводило до бронзы уже загорелые тела. Когда урожая собиралось достаточно, все вставали в линию и с рук на руки перебрасывали арбузы в большую кучу к самой дороге. Оттуда их потом загружали в «зиллок» или «газон» – если в первый шло с верхом до пяти-шести тонн, во второй всего три-четыре от силы. Борта кузовов обеих машин предусмо-

трительно на весь сезон оплетались изнутри сухим чаканом, чтобы не отбить груз при тряске на просёлочных дорогах.

Водители жили с абитурой под одной крышей в бараке. «Зилком» распоряжался смурной малообщительный мужичок средних лет, который неохотно признался, что недавно «откинулся», это убедительно подтверждалось зоновскими синими наколками. Себя он разрешал всем называть запросто – Гриней.

Почти каждый вечер он готовил себе чифирь. Заваривал из своих запасов большую пачку дешёвого грузинского чая второго сорта... Конечный небольшой остаток в виде густой коричневой жижи с видимым наслаждением неспешно потягивал за общим столом, закусывая кусочками пилёного сахара.

Юрка как-то попробовал странное угощение с милостивого согласия чаёвника. Действительно, это пойло без сахара не шло в горло, а такой кайф, сопровождаемый бешеным сердцебиением, парню совершенно не понравился, как и мочегонное почти безостановочное действие на не один час. Одной попытки хватило навсегда. Гораздо позже Юрий узнал, что те, кто на зоне подсаживались на чифирь и не отказывались от такой привычки уже на свободе, никогда не жили дольше нескольких лет. Инсульт, инфаркт, нелады с желудком нередко дополняли приобретённые за колючкой болезни. Вряд ли Гриня смог избежать в дальнейшем такой участи.

После ритуального чаепития по-зековски речь водителя становилась нечленораздельной, за исключением часто проскакивающих матерных слов. Через какое-то время он поднимался и уверенно шагал к своей машине, чтобы тут же умчаться куда-то в степь. Кто-то предположил, что в посёлке неподалёку Григорий завёл себе зазнобу.

Несмотря ни на что, каждое утро на восходе солнца всех будило громкое урчание мощного зилковского мотора. Сам же водитель, свежий как огурчик, присаживался за стол перекусить со всеми перед новым рабочим днём. И хотя он никогда не отказывался, если ему предлагали выпить вина или чего покрепче, упорно хранил верность зоновскому напитку.

«Газоном» же управлял Сашок, весёлый разговорчивый парень, лет двадцати с хвостиком, с виду немногим старше Юрки. Этот вы-

пускник каких-то там механизаторских курсов, о чём не раз похвалялся, научил, как закачивать большим шприцем сквозь корку целого арбуза самогон или спирт, чтобы приготовить колхозный крющон. Особенностью употребления получаемого продукта было не питьё, а дружное выскрёбывание столовыми ложками проспиртованной мякоти до самой цедры. Сомнительно, чтобы там могло происходить какое-то брожение, но результат всегда был налицо. Опытным путём механизатор-водитель постиг то, что положено знать любому пищевому технологу: мякоть и сок арбуза служили хорошими сорбентами для осаждения сивушных масел и прочей сопутствующей алкоголю отравы.

Именно Сашок показал, как местные расправляются с арбузами. Удар кулака по верхнему полюсу заставлял с одного раза раскрыться полосатый плод во все стороны диковинными алыми лепестками, усыпанными тёмными точками семян. В центре, где обычно у нормального цветка положено находиться пестик, оставался торчать кверху свободный от семечек красный конус. Местные называли эту серединку «афонькой» – самый вкусный кусок, сохраняющийся на бахче холодным даже до самого жаркого полдня, когда толстая корка с прилегающей внутри мякотью успевала прогреться насквозь. К тому же такой «афонька» казался сбывшейся наяву мечтой всех лентяев – даже семки не надо выплёвывать.

Никто из бригады вовсе не собирался целыми днями надрываться на колхозных полях, как американские рабы на плантациях, или ставить стахановские рекорды по сбору урожая. Как только общим трудом вырастала арбузная горка приличных размеров, всем скопом заваливались на неё, кому как удобно. Кто дремал, кто травил анекдоты, кто-то просто смотрел в небо, жмурясь на сентябрьское солнце, или беседовал о жизни. Но всегда кто-то чутко и зорко прислушивался и высматривал, не возникнет ли вдаль на просёлочной дороге «бугор» – колхозный бригадир из посёлка на личном мотоцикле. Стоило только кому-то поднять тревогу, все тотчас выстраивались в цепь, в которой каждый знал своё место, и старательно делали вид, будто продолжают усиленный сбор бахчевой культуры. Не было случая, чтобы проглядели своего надзирателя или не услышали издали знакомый треск «Урала» с коляской. А там под-

ходил один из грузовиков, который немедленно загружали тем же проверенным способом, перекидывая друг другу с рук на руки арбузы. В конце цепочки уже в кузове двое едва успевали аккуратно укладывать «ягодки», иногда за десять килограмм, одну к другой. Как только бригадир уезжал, всё возвращалось к исходному, начиная с возведения новой арбузной пирамиды.

Перед тем, как всех отвозили обедать на полевой стан, успевали искупаться в одном из глубоких водоёмов с водой, обычно находившихся неподалёку. Без разветвлённой системы таких искусственных артерий бахчи остались бы без живительной влаги. Дождевальные машины представляли собой трактора с многометровыми плечами оросительных труб в обе стороны над кабиной. С помощью насосов забирали на ходу воду из водоёмов, чтобы тут же разбрызгать в виде искусственного дождя над бахчевыми гектарами. Иногда водители дождевалок позволяли ребятам освежиться под их распылёнными струями, главное, чтобы под гусеницы не лезли.

На стане душа не было, экономно умывались и обливались из умывальника. Раз в три-четыре дня воду в мелкий бетонный колодец привозила автоцистерна. Причём неизвестно, из какого источника, потому что нередко в ней находили лягушек, раз-другой умудрившихся проскочить в готовые щи. Некоторые брезговали и отказывались от первого, только не Юрий, который не раз видел, как старшие дворовые пацаны варили в котелке лягушачьи ляжки, утверждая, что они не хуже курятины. Правда, сам он их так и не попробовал... Пили здесь только кипячёную воду, к тому же около печки всегда стояла огромная кастрюля остуженного чёрного калмыцкого чая.

После обеда работать хотелось ещё меньше, но тут уже появлялся некий стимул. Одна из нагруженных бортовых машин с четвёркой ребят в кузове отправлялась на полустанок в трёх десятках километров к югу. В определённый час там останавливался поезд из Минеральных Вод. За две минуты добровольцы во главе с Лешим и с кем-нибудь из двух водителей успевали распродать пассажирам часть своего груза. Смешные цены делали рискованную операцию всегда беспроигрышной. Огромные арбузы не проходили в приоткрытые окна ваго-

нов и передавались с подножек в тамбуры за полтинники и рубли. Причём большая часть барыша шла от проводников, иногда десятками закупавших знаменитые местные арбузы для перепродажи в пункте назначения.

Когда состав трогался с места и становилось ясно, что на сегодня торг завершён, Юрка продолжал смотреть вслед ускоряющемуся поезду из кузова грузовика, пока тот не исчезал из вида. Как ему хотелось очутиться в одном из купе вместе с Людой! Сидеть у окна напротив друг друга, не спеша потягивать холодное пиво из откупоренных бутылок или, на худой конец, помешивать ложечкой сладкий чай в стаканах, принесённых проводницей. Смотреть вдвоём на бесконечно разматывающуюся степь за окном и уноситься прочь, в противоположном от их областного центра направлении.

На первый взгляд могло показаться, что юные предприниматели всегда действуют себе в убыток. Но ими руководила вовсе не мещанская жажда наживы. Во-первых, они торговали не своим собственным добром, а колхозным. А во-вторых, вырученного всегда хватало на один, а то и на два ящика дешёвого креплёного вина из ближайшего сельпо. Это и составляло их главную и единственную цель, особенно если подходило воскресенье, день, когда от них не требовалось выходить на бахчу. Правда, по договорённости с бугром ради лишнего заработка нередко все дружно отказывались от положенного выходного, если не чувствовали себя слишком усталыми, чего практически не случилось.

Самыми активными пособниками водителей оказались Леший и пара других умудрённых жизнью ребят, каким-то образом и Юрка угодил в их компанию. Видимо, им приглянулся неглупый, слегка малохольный парень, знакомый с понятиями дворовой шпаны, среди которой рос. Когда Гриня и Сашок открыли перед ними столь заманчивый способ заработка, возражений ни у кого не возникло. После первой удачной продажи оговорённая часть навару ушла в шофёрский карман, а пару закупленных на остальное ящиков тайком доставили в барак и рассредоточили бутылки по пологам. За ужином сообща отметили сегодняшний успех и, предусмотрительно прихватив разумный запас на дорожку, с весёлым настроением в полном составе дружно и бодро зашагали в посёлок.

Они уже знали, что в клубе их ожидает кино и танцы по субботам, воскресеньям и средам. Сегодня, как по заказу, подвернулась среда.

Орденосный бугор с гордостью хвалился, что его колхоз-миллионер поднялся исключительно на доходы от овцеводства, сбора томатов и арбузов. Правда, умолчал, что на здешних землях нашли следы нефтеносных пород и новое газовое месторождение, почему и дали авансом название посёлку Промысловка, хотя добыча ещё не начиналась. Но это ребята уже знали без него. Местный клуб, он же кинотеатр, танцевальный зал, а в дневное время и библиотека, являлся убедительным свидетельством достижений колхозного строя. Юрка, однако, не понимал, чем же занимаются лишь изредка выходящие в поле всем скопом здешние жители-колхозники, если основной сбор урожая из года в год выполняет дешёвая рабсила в лице привозимых из города студентов. Может, и все здесь втихую приторговывали колхозным добром с общественных полей? Наверняка, кроме сообщённого водителями, имелись другие, более надёжные способы незаконной наживы. Но копаться в таких дебрях было сейчас выше Юркиного разума.

98

На место прибыли уже затемно, сразу купили билеты на единственный сегодняшний вечерний показ уже всеми пересмотренного в городе итало-французского фильма, с большой вероятностью изрезанного здешним киномехаником.

Не стали испытывать судьбу и прочность контроля на входе в колхозный культурный центр, хотя каждому из ребят не составило бы труда пронести в брюках за поясом бутылку-другую. Благоразумно отошли подальше от одноэтажной модерновой постройки, где их заведомо не могли увидеть зоркие хранители местной морали, и прикончили принесённый резерв бормотухи, по-братски и по-сестрински поделив закуску в виде трёх плавленых сырков «Дружба» и нарезанной четвертушки серого хлеба из того же сельпо. Пару полулитровых пузырей решили оставить на случай непредвиденных обстоятельств и пронесли в клуб.

И тут на входе в обитель культуры возникла неожиданная преграда. Борьба за нравственность юного поколения шла повсюду полным фронтом. Под странный запрет подпали не только джинсы, пока ещё редкостная контра-

банда, распространяемая фарцовщиками, но и любые женские брюки, почему-то занесённые в одну категорию с идеологически недопустимыми мини-юбками. Юрка читал, что в Саудовской Аравии, к примеру, за ношение мужской одежды женщину могли и головы лишить, но у нас сходные требования, даже вовсе не сулящие нарушительницам столь суровой кары, выглядели не менее дико.

Только нашим героям и героиням после выпитого всё это было до лампочки. К тому же всего у двух девчонок обнаружилась непотребная в здешних краях одежда. И то: никаких иностранных джинсов или бесстыдно обтягивающих брючек – обычные треники. Не вступая в пререкания, вся женская половина солидарно отправилась за угол железобетонного барака культуры, строго-настроено наказав ребятам не ходить за ними. Гонимые предметы одежды в момент оказались сняты и тщательно завернуты в слегка помятую газету «Правда», совсем недавно скрывавшую прозрачный пакетик с закуской. Обе разоблачённые тут же обрели востребованную женственность, которая по нездоровому разумению захоластных чиновников скрывалась до того спортивным трико. Для восстановления необходимого приличия использовали то, что подвернулось под руку и чем смогли поделиться подруги: вытянутую майку и длинную мужскую рубашку с рукавами, на которые здешний запрет не распространялся. Для принятия цивилизованного вида всего-то потребовалось натянуть их пониже.

Если спустя несколько десятилетий для пропуска в места сборищ, названных тусовками, стали использовать фейсконтроль и дресскод, как можно было бы назвать те обязательные осмотры на входе в сельские клубы советского прошлого? Бдительные тётки у входных дверей покосились с подозрением на изменивших имидж недавних нарушительниц, но вторично придрататься к ним уже не смогли, формальные требования оказались соблюдены.

Новое здание клуба представляло собой довольно авангардистскую стеклобетонную постройку, несколько опередившую своё время и потому диковинную для богом забытого села. Но кто ещё, кроме принудительно привезённой спасать урожай абитуры, смог бы оценить такой изыск? Одну из внутренних стен занимало мозаичное панно, запечатлевшее во весь рост

колхозницу с острым серпом, а совсем рядом с опасным инструментом – защищённого скафандром и потому имеющего довольно спокойный вид космонавта. Чтобы не оставлять их наедине, авторы мозаики добавили третьего неопределённых занятий мужика, предположительно городского пролетария, руки которого сжимали нечто среднее между разводным ключом и отмычкой, какими пользуются некоторые потерянные для общества члены.

Танцы под перегруженные басами динамики уже начались. Две-три наиболее смелые уроженки села не самого юного возраста пытались привлечь к себе внимание многочисленных угрюмых особей мужского пола, тоже выглядевших старше своих лет, которые напротив неловко подпирали стену с мозаикой. Могло показаться, что эти не то парни, не то мужики сильно опасаются, как бы изображённая над ними мощная женщина не задействовала свой серп в любой момент. Отойти от греха подальше в сторону им почему-то в голову не приходило.

Местные очень недружественно встретили шумную ватагу чужаков, на которую теперь и пялились, позабыв про самозабвенно танцующих селянок. Среди пришлых городских ими в первую очередь высматривались девчонки по-смазливее. Вскоре в клуб заявила ещё более многочисленная орда, оказавшаяся бригадой такой же абитуры, занимавшейся по соседству сбором томатов. С девчонками у них чувствовался напряг, зато имелись желающие почесать кулаки. Среди прибывших нашлось немало знакомых, что сразу изменило тревожную обстановку. Потому Леший с согласия своих не замедлил символически поделиться с ними последними каплями сохранённого остатка в далёком от культуры туалете.

Видя теперь полный перевес чужаков, местные не решились на намеченную разборку. Впрочем, внушительный вид более многочисленных горожан, среди которых усматривались отслужившие в армии, предотвратил в дальнейшем все стычки, когда в клуб ходили уже без опаски в значительно меньшем количестве. К тому же со временем все вполне мирно пере-знакомились с местными заводилами, которые уже прекрасно знали, где и у кого из колхозных бригадиров кто трудится. Прав оказался тот лохматый менестрель в ковбойской шляпе: «Мир победит, победит войну!».

Так что танцы быстро приняли массовый характер и обошлись без очень вероятных эксцессов. Напрыгавшись до одури в пляшущей толпе, Юрка непродуманно упустил Людмилу из вида перед самым началом фильма. Уже в темноте кинозала неожиданно для себя оказался в окружении более общительных подруг. Выпитое вино склонило его голову на приятно гладкое плечо одной из них, нисколько этому не возражавшей, так что действие картины большей частью не затронуло его сознания.

На обратном пути он никак не мог выдержать Людю из плотной группы поющих девчонок, на их потеху выписывая ногами кренделя по пыльной дороге.

Полная луна заливала серебристым сиянием степь и белеющую дорогу впереди. Её забавная круглая рожица в оспинах воспринималась сейчас пьяно-озорной и компанейской. С ней дорога до стана показалась короче и веселее, хотя и так никто не грустил. Юрка даже забыл на время, что хотел бы оказаться рядом с нравившейся ему, но выбравшей общество подружек синеглазкой.

Последующими безлунными вечерами высоко над степью открывались такие дали и глубины, которых никогда не увидишь в городе, отделённом от неба заревом электрических огней. А тут стоило только взглянуть в эту головокружительную чернильную бездну, полную мерцающих звёзд, — и уже глаз ни за что не оторвать. Пытливый взгляд с любопытством и благоговением скользит от звезды к звезде, и сами собой приходят мысли о вечности, о быстроте и ничтожестве человеческого существования на земле, о вероятном Творце такого великолепия. Молодость не хочет принимать очевидное, она считает только свою собственную жизнь самой главной ценностью, даже на фоне далёких бесчисленных звёзд, только настоящий миг и важен для неё. О будущем она почти не думает.

После того как в определённый час вырубали движок, все могли расходиться по своим пологам, но таких оказывалось немного. На смену многоваттной лампочке Ильича зажигались две три керосиновые в закопчённых стёклах на струганном рубанком столе под навесом. Их тусклого света вполне доставало для желающих перекинуться в подкидного дурака на погоны. Если же ребята затевали буру или покер уже без девчонок, то либо на спички, либо на мизерные сим-

волические ставки в счёт будущего заработка, чтоб никому проиграть не показалось обидным. Находились и шахматисты, не дававшие пылиться доске с деревянными фигурками.

Но главное: под радио Монте-Карло на средних волнах транзисторного приёмника на батарейках либо на длинных уже под румынскую и польскую музыкальные станции (поскольку других тут не ловилось) начинались спонтанные танцы. Выхваченная из темени окружающей ночи площадка под соломенным навесом воспринималась уже вполне уютным, почти родным местом. Все забывали, что до дома более сотни километров. Чтобы окончательно сойти за декорацию салуна из гэдэровских вестернов с югославским индейцем Гойко Митичем, не хватало только деревянного пивного бочонка с краником в придачу к сиротливо пустовавшим на столах алюминиевым кружкам. Вот только печка для готовки из кирпичей, грубо обмазанных глиной без побелки, сильно портила вид почти киношно-ковбойской обстановки.

Редкие парочки, возникавшие в ходе этих танцев, иногда уходили прочь в темноту, чтобы вернуться через некоторое время почему-то уже нередко на расстоянии друг от друга. Если Людя попадалась Юре на глаза, он приглашал её потанцевать. Но в отличие от своих более раскованных подруг она ни разу не дала ему повода попытаться увести её подальше в тёмную степь, а он сам никак не мог на такое решиться.

Нередко на таких стихийных танцах появлялся Леший со своей блондинкой. Сохраняя на лице неизменную рассеянную улыбку, она держалась особняком ото всех, будто воображала себя реальной принцессой. Остальные девчонки с самого начала, не сговариваясь, сторонились подругу неофициального вожака их случайного коллектива. Правда, до полного бойкота дело не доходило. Но кто разберёт этих девчонок? Юрка в такие передраги влезать не собирался. Впрочем, если бы он внимательно следил за происходящим вокруг, то давно убедился бы, что и у других доставало проблем и разборок.

Как-то вечером после условного отбоя у Лешего произошла громкая размолвка со своей подружкой, после чего она долго потихоньку всхлипывала, никому не видимая, в крайнем пологе у стенки.

Валера бродил по бараку в хиллом умирающем свете ещё не погашенной керосиновой лампы, в сердцах бормоча одно и то же: «Да что же такое, ё-моё?!». Видно, искал кого-то поделиться или спросить совета и наверняка посчитал бы Юрку самым подходящим для этого. Потому Юрий постарался не попасться ему на глаза.

В конце концов Леший испил на кухне чифиры с посочувствовавшим ему Гриней. Они загасили лампу и ещё минут двадцать не давали уснуть притихшей публике, горланя снаружи на два хрипловатых голоса любимую песню Григория: «Он или дурак, или не знает, что такое женщина в кровати...». А когда позже Гриня по своему обыкновению укатил на ЗИЛе, Валера завалился спать на пустовавшее место в шофёрском пологе.

И всё-таки однажды поздним вечером Юрий решился взять быка за рога. Он чувствовал, что дальше так продолжаться не может. Ему казалось, остальные парни и девушки давно пересмеиваются над ним за спиной, хотя ничего не говорят открыто. О том, что кто-то со стороны мог даже позавидовать едва наметившемуся между ним и Людой, он и представить не мог. То, что Юрка выделял её среди всех девчонок, норовил лишний раз оказаться рядом, а то и наедине, давно не представляло секрета. Он и не думал ни от кого таиться. Даже её редкие, как бы сдерживаемые, ответные взгляды не могли оставаться не замеченными другими. Он не подозревал, что подружки корят Люду и советуют поскорее оставить свою подчёркнутую холодность.

В этот раз Юрий мягко, но настойчиво, приобняв за плечи, увёл девушку в темноту, прочь от танцующих и сидящих вокруг транзистора.

Ночь выдалась особо тёмной, без луны, закрытой сегодня пришедшими с севера плотными тучами. Поговаривали, где-то в степи появились волки, нападавшие на отары овец. И хотя Юра не расставался с перочинным ножом в кармане (не столь уж грозным, но всё же оружием), слишком удаляться с девушкой от полевого стана не осмелился. Она доверчиво шла рядом, не снимая его руки со своего плеча, но и не делая никаких попыток к сближению.

Когда он посчитал, что отошли достаточно, осторожно развернул спутницу к себе и попытался разглядеть в темноте её лицо с помощью далёкого слабого огонька на оставленном островке безопасности. Уже обе его руки легли

на её плечи, пальцы несмело, но всё настойчивее поглаживали не прикрытую платьем нежную кожу. За то время, что они шли сюда, ни он, ни она не перекинулись словом. И опять ему пришло в голову, что надо немедленно что-то сделать, что кто-то со стороны следит за ним, как бы с укором покачивая головой. Он притянул её и, нагнувшись, попытался поцеловать в едва угадываемые в темноте губы. Получилось очень неудачно: мазнул своим ртом по её щеке прежде, чем нашёл то, что искал. Её сжатые холодные губы не ответили, он усилил натиск, опять подозревая, что делает всё неправильно. Поцеловал сам, ещё, затем сильнее прижался приоткрытым ртом и замер так, пока хватило воздуха.

Всё же, отстранившись после, ощутил некоторое облегчение. С трудом подавил внезапный порыв задать глупый вопрос: хорошо ли ей. Представилось, такое могло показаться Люде полным идиотизмом.

– Наверное, я глупая. Зачем я с тобой только пошла? – вдруг посетовала девушка, похоже, обращаясь к себе самой. – Знаешь... Сашок, он... целуется намного лучше тебя...

Юрку словно ударили под дых. Если бы у него имелось хоть немного опыта в таких делах и будь он чуть наблюдательнее, то сразу бы догадался, что Людмила столь же неискушённая и наивная, как и он сам. Любая более умудрённая в отношениях с парнями на её месте быстро бы раскусила Юрку и сочла за радость сделаться его наставницей, хотя бы в поцелуях. Он даже не подумал, что таким неуклюжим способом отчаявшаяся девчонка попыталась вызвать в нём ревность, понудить к более решительным действиям. Впрочем, кто знает, что ещё она могла думать? После таких слов Юрка обозвал её про себя глупёнышем и куклой, отступил ещё на один шаг, испытывая досаду и разочарование.

В их отряде было всего два Александра, но Сашком называли только молодого водителя грузового «газона». Уязвлённый, Юрка пытался найти подходящий ответ, но лишь бессильно сжимал и разжимал кулаки.

– Юра, пойдём же, ну? Чего стоять... – проявила она на этот раз инициативу первой.

Юрке показалось, что произнести его имя ей удалось только после некоторого усилия. И пока он обдумывал, как поступить дальше, Люда одна двинулась назад на манящий огонёк, собиравшийся вот-вот погаснуть.

Когда следующими вечерами она у него на глазах начинала танцевать в обнимку с другими, деланно не обращая на него ни малейшего внимания, улыбаясь и смеясь, Юрке становилось обидно и тяжело. Может, Людмила желала вызвать его на скандал, может, набивала себе цену, отчаянно пыталась обратить на себя его внимание? Никаких сцен ревности он устраивать не стал, посчитал это заведомой глупостью.

Не желая больше её видеть, он разбудил уже заснувшего приятеля, с которым делил поллог. Отойдя подальше в степь, они из горлышка по очереди уговорили бутылку креплёного вина, которую Юрка заначил с последней продажи арбузов.

– Поссорились, что ли? – понимающе предположил ещё сонный сосед по полулогу, доставая две сигареты и зажигалку.

Юрка благодарно кивнул – даже такая закуска сейчас показалась очень кстати.

– Помиритесь? – не отставал приятель между затяжками, чувствуя себя обязанным за внезапное угощение.

– Не знаю, вряд ли... – неприятную тему хотелось поскорее закрыть.

– Да брось ты, может, ещё наладится... В конце концов, свет клином на ней не сошёлся, сам знаешь. Женщины – те же трамваи: одна ушла, другая придёт! – попытался избитым сравнением подбодрить неугомонный сосед.

Но Юрка не нуждался в подобных утешениях: «Тоже нашёлся ещё один знаток сердечных дел, иди тогда работать в кардиологи!» Его не отпускала обида, он мысленно спрашивал неизвестно у кого: почему так несправедливо и глупо устроена жизнь? Какой смысл в этой суете, в не нужных никому и ни для кого не важных, кроме него самого, сопливых переживаниях? Может, он не такой, как все? Мысли о собственной исключительности приходили Юрию в голову не впервые. Но что могло бы их подтвердить? Его поступление в вуз? Таких тысячи, десятки тысяч, если не больше. Запойное чтение книг и научно-популярных журналов под партой, вместо того чтобы слушать учителей? Может, у него есть какое-то скрытое пока особое предназначение и ему суждено свершить что-то яркое и необычное в будущем? Далеко не факт. Как можно в такое поверить, если даже сейчас с Людой ничего не получилось, и он выставил себя полнейшим дураком?

Потом, устроившись в обнаруженной неподалёку соломенной скирде, они травили друг друга известные обоим анекдоты. Юрка делал это с отчаянием, выговаривая заведомо смешное, но навязчивые мысли о Люде не давали ему веселиться. Сосед чувствовал его настроение. Курить больше не решались – сухой соломе хватило бы искры. Так и не заметили, как загнули в сотне метров от притихшего полевого стана.

Правда, задремать Юре долго не удавалось: высушенные стебли щекотали шею, кололи руки, почти у самого уха шебуршились какие-то неизвестные насекомые. А ну как укусят? И когда уже заснул, то привиделось, будто из глубины скирды, с пугающим шорохом к нему выползла полуметровая гадина и укусила его прямо в грудь, в область сердца. В ужасе он действительно что-то отбросил с лица и дико заорал, до смерти напугав давно спящего приятеля. Разметав солому, выскочил из скирды и стремглав бросился к бараку. Только уже по дороге понял, что спросонья отшвыривал собственную затёкшую руку.

Кто-то попался навстречу, что-то встревоженно спросил у него. Видимо, остальные давно разошлись на ночлег. Он только отмахнулся от встречного, ничего не понимающий испуганный сосед следовал по пятам. На ощупь добрался в темноте до нужного полога, даже не стал раздеваться, жёсткие соломинки продолжали раздражать тело, вызывая неодолимое желание почесаться сразу во многих местах. Залезшему следом товарищу только шёпотом пояснил – змея почудилась. Вопросов не последовало. На этот раз удалось быстро заснуть. Снова привиделись знакомые глаза, против воли напоминавшие песню о Карелии, в которой никогда не был и вряд ли туда попадёт:

*...Будут сниться с этих пор
Остроконечных елей ресницы
Над голубыми глазами озёр.*

Он до сих пор не разобрался в меняющихся от освещения и настроения оттенках Людминых глаз: то ли голубовато-синие, то ли сине-голубые... Но пляшущие в них наяву или только в его воображении искорки не давали Юрке покоя. Одно это он лишь и вспомнил утром, разбуженный привычно затарахтевшим на заре мотором «зилка».

Он ещё не знал, что единственное лекарство от наваждения васильковых глаз – другие женские глаза: зелёные, серые, чайные, чёрные, любые. Их почти так же много, как звёзд над степью, ну, может, чуть поменьше, но они ждут его впереди, обещая нечто головокружительное.

А если бы даже знал, то не мог ещё забыть синие озёрца Людиных глаз. Зато ощущение избытка собственных сил и благоговение перед огромностью загадочного мира уже сейчас было в нём, их никому не отнять. Неповторимый дар быстро проходящей юности...

С Людой они потом не то чтобы совсем не разговаривали, но и вернуть прежнее никто из них не пытался.

– Привет! – бодро говорил он ей, увидев по утрам. Тут же отводил глаза и пробовал убедить себя снова и снова, что вовсе она ему не нужна!

– Привет! – с видимым равнодушием соглашалась Люда как ни в чём не бывало, но при этом старательно не смотрела на него.

Исчезла какая-то скрытая значимость и приязнь между ними в словах, взглядах, даже в молчании. Это заметили все. Он малодушно не собирался раз и навсегда выяснить, как она к нему относится, ложно опасаясь дать повод для насмешек Люды и её подруг.

Через несколько дней зарядил монотонный дождь. Все сидели под добротной крышей правого стана. Пришлось доставать прихваченные из дома тёплые вещи. От завтрака до обеда, затем до ужина с отбоем играли в карты, искали чего бы почитать или вообще ничего не делали. Даже водила Гриня после привычного чифиря не срывался больше в неизвестность на «зилке», а мирно храпел ночами в своём пологе.

Когда у хлябей небесных выдалась передышка, бугор отправил ребят в поле, где им пришлось только месить грязь – арбузов на бахчах почти уже не осталось.

Юрка вместе со всеми остро чувствовал то, что с лаконичной точностью выразил Валера Леший, давно помирившийся со своей блондинкой:

– Пора на фиг валить отсюда!

Впереди ждала новая студенческая жизнь, которой всем с нетерпением хотелось попробовать. Некоторых отчислят, кто-то отстанет, взяв академический отпуск, остальные, включая тех, кто попереженится за годы учёбы, дождутся возжеленных дипломов. Вскоре каждый получил расчёт за ударный труд от бригадира и громадный арбуз на дорогу. А потом постепенно и всё остальное.

